

5. Пути сообщения и транспорт в данном районе: пути водные, жел. дороги, шоссе, строящиеся дороги; быстрота и регулярность сообщения, тарифы; оборудование специальными перевозочными средствами; почта и телеграф.

6. Наемный труд: кадры рабочих, их источники, оплата труда, специальное законодательство, сезонные рабочие.

7. Налоги и налоговое законодательство.

8. Общая экономическая конъюнктура в данной стране и районе и тенденции в ее развитии.

9. Земельная рента.

10. Место хозяйства в общей экономике страны и данного района.

11. Местная промышленность и возможности организации собственного с-х. производства.

12. Возможности использования местной промышленности в вопросах снабжения колонистов с-х. оборудованием.

13. Сельхоз. рынок: спрос на различные виды сельхоз. продуктов; сельхоз. вывоз и ввоз; организация рынка и техника торговли сельхоз. продуктами; цены на сельск-хоз. продукты.

14. Возможности сбыта сельхоз. продуктов: технические возможности в связи с данными транспорта, ближайшие центры спроса, организация спроса, возможности вывоза за границу, возможности связи с местной кооперацией; специальное законодательство; местные организации торговцев, картели, тресты, влияние иностранного капитала.

15. Кооперация.

16. Денежный рынок и его организация в данном

районе: местные частные и общественные банки, высота и постоянство %, валютные условия.

17. Стоимость жизни: общий уровень цен (мануфактура, обувь, питание и т. д.), оплата труда и стоимость жизни.

Инж. Терещенко в зарослях дикого подсолнечника около „Катарина Фарм“ в Тексасе, на предполагаемой „нашей“ земле.

Казачья эмиграция.

Казачи на могиле Неизвестного солдата.

День 6 сентября 1930 г. останется памятным для казачьего Парижа. В этот день они были на могиле Неизвестного солдата Франции, возжигали неугасаемую лампаду. Какая благородная и прекрасная традиция; как священно чтит Франция память сынов своего народа, павших смертью храбрых, защищая честь и славу своей родины!

Казачи в этот день показали Парижу свое рыцарское благородство: несмотря на 10-нюю повседневную фабричную работу, несмотря на тяжкие условия эмигрантской жизни, они сохранили благородную память к своим французским боевым соратникам и, преодолев свою усталость, пришли поклониться праху своего неизвестного боевого товарища.

Вместе с тем они показали французам, что живо еще Казачество, что умирать оно еще не собирается, ибо возжигание неугасимой лампы превратилось в столь внушительную казачью демонстрацию, что замолчать о ней не могут и самые ярые противники Казачества.

Эта казачья демонстрация могла бы быть еще более грандиозней, если бы в Париже был Атаман, более генерала Богаевского связанный с казаками, пользующийся их доверием, например скажем, как Куб. Атаман ген. Науменко или Терский ген. Вдовенко. Но в Париже казаки говорят: Так уж повелось — никогда Богаевский ничего полезного для казаков не придумает сам, а на готовое, другими сделанное, по атаманскому праву наложит руку и сделает скверно. Примеры? Бросил Краснов в казачью массу мысль об организации и организованной жизни казаков в эмиграции — о создании станиц, хуторов, а ген. Богаевский спешит за ним и издает приказ о создании тех же станиц и хуторов.

Сами казаки приходят к сознанию необходимости организации взаимопомощи и создают кассы взаимопомощи, вносят деньги в свою кассу, а ген. Богаевский спешит создать свой русский банк, вносить куда деньги просят всех казаков.

Сами казаки приходят к сознанию необходимости устраивать доклады, собеседования, для чего ищут и

находят людей, а ген. Богаевский спешит им на „помощь“, изъявляя готовность осчастливить их своим приездом, но при условии, если казаки оплатят из своих карманов его проезд по 1-му или 2-му кл.

Так и теперь. Инициатива возжигания казаками пламени на могиле Неизвестного солдата исходила от отдельных казаков, они же и беседовали с Председателем Комитета Пламени и добились разрешения. Этот председатель был настолько внимателен к казакам, что разрешил им быть в своей форме, при орденах, под своими флагами (тогда как Р. О. В. С. ношение формы разрешено не было). Началась подготовительная работа. Но это обстоятельство стало известным ген. Баратову, который поспешил об этом сообщить ген. Богаевскому, а последний, в свою очередь, поспешил объявить в газетах, что он взял все дело в свои руки. Этим сухим газетным объявлением Богаевский и ограничился, тогда как казачьи организации (Кубанская станица, Уральская станица, Терское Об'един.) развили большую подготовительную работу: устраивали собрания, заседания на эту тему. А когда все казачьи организации пришли под своими флагами, то ген. Богаевский покрыл их своим русским флагом — смотрите, мол, добрые люди, это не Казачество, а Великая Россия.

Это заранее известное обстоятельство — Богаевский и русский флаг — несколько охладило казаков. Многие парижские казаки категорически отказались от принятия участия в этом деле лишь потому, что там Богаевский. Но самостийники решили, что кто бы не возглавлял, это — общеказачье дело, вопрос идет о чести и имени Казачества, о казачьей публичной демонстрации в столице мира — Париже, следовательно нужно пойти всем, нужно принять все меры, чтобы как можно больше собралось людей, как можно внушительнее получилось. В этом направлении они повели работу, всюду доказывая казакам необходимость присутствия. Приезжий из Праги представитель „В. К.“ Ш. Балинов в частных беседах и на собрании Общекалмыцкой станицы в Жуанвиле разъяснял символическое значение могилы Неизвестного солдата, смысл предстоящего возжигания на ней казаками пламени и

призывал всех пойти, с чем единодушно согласились.

Место сбора казаков было назначено у выхода метро George V., что на авеню des Champs Elysses в 5½ часов вечера, а самое возжение пламени было назначено в 6½ часов вечера.

Пришел на место сбора в 5 час., а улица уже заполнена казаками. Из выхода метро беспрерывно выходят группы казаков. Подкатывают на своих машинах казаки шоферы, иные с семьями. У всех возбужденные радостные лица, будто собрались в поход на Дон, Кубань, Терек.

Всюду слышна оживленная беседа, видна суетливая беготня. Знакомые формы донцов, кубанцев... родные флаги: Донской — сине-желто-красный, Кубанский — сине-малиновый-зеленый, Терский — синий, Уральский — малиновый и т. д. Вот стройными рядами стоят кубанцы в своих красочных черкесках и папахах. Небольшая группа донцов в форме. Гляжу: важно, с сознанием своего достоинства медленно расхаживает здоровый, стройный донской сотник. Ничего, что за десять лет перерос он свою гимнастерку, еще с Дона вывезенную, что потертые брюки с лампасами слишком тесны — он под своим родным флагом, в своей любимой форме, у которой может быть заштопанное место — след большевицкой пули, — он среди своих братьев.

Загорелые, стройные кубанцы торжественно тихо стоят под своим родным флагом. Груды многих украшены георгиевскими крестами, медалями. Какие думы и мысли носят в их головах, какие картины и образы встают в памяти?.. Думают ли они о создании „Великой России“, или жаждут спасения своих сестер, жен, матерей, своих родных Краев от деспотической Красной Москвы, от власти задавших целью уничтожить Казачество большевиков?.. Ген. Богаевский вероятно скажет, что они только и думают о создании своей кровью „Великой России“...

Постепенно вся улица заполняется казаками. Улица превращается в казачий лагерь. Наблюдается усиленный наряд полиции. Французы удивлены. С усилием протискиваются к донцам, кубанцам в форме, стоящим группой в центре под развевающимися казачьими флагами. Спрашивают — им раз'ясняют. Всюду слышится: казаки, казаки. Окна соседних домов кишат головами, дамы направляют бинокли. Движение на улице затрудняется, получается затор. Из медленно подошедшего автомобиля выскакивает пожилой донской войсковой старшина, на ходу цепляет шашку. Здороваясь, машинально подносит руку к козырьку — форма обязывает... Иду, приглядываясь к лицам. Член Донской станицы в Париже — А. Л. Лысенков, М. М. Колесов и др., Кубанская ст. во главе с Г. И. Галушко, Е. М. Якименко и др., члены Уральской ст., Терского объединения, делегация Калмыцкой станицы с атаманом Шараповым, представ. Куб. атамана полк. Елисеев. Большинство казаков в штатском, преимущественно в черном. „Штатские“ сильно сожалеют, что не сохранили форму.

— Непременно надо справиться форменную одежду, — слышатся голоса.

Рядом с группой калмыков стоят несколько астраханских казаков. Среди них огромного роста, стройный господин. Знакомимся. Кругликов — фамилия его.

Всюду слышится оживленный разговор. Прислушиваюсь:

— Молодцы кубанцы... смотреть на них любо. У них своя старая станица... они очень дружны... они много раз собирались, обсуждали этот вопрос, выработали программу действия на сегодня и результат на лицо, не то, что у нас — донцов, несмотря на то, что у нас тут и Атаман и Председатель Пр-ва, — с явной завистью и сожалением говорит пожилой, бравый донец.

— Какой он Атаман... Да, Атаман, только для себя лично, а не для казаков. Ему свои интересы, а не казачьи... Разве можно его назвать атаманом, когда он за 10 лет ни разу не созвал здесь, в Париже, казаков, ни разу не побеседовал, — грустно замечает другой.

Ах, если бы у нас Атаманом был не Богаевский, а настоящий казак, болеющий его интересами! Как недостойно Донского Атамана его сиденье на двух стульях...

— Как на двух стульях?

— Да, так... зачем он прикрыл наши казачьи флаги русским? Сидит он на кресле Донского Атамана, а вместе с тем примазывается и к стулу ген. Миллера и все таки не пристроится, провалится. Уже теперь становится всем известна его „игра“: в личной беседе с отдельными казаками говорит одно (собирать их в большом количестве боится), а своим русским „хозяевам“ поет другое; когда ген. Миллер занял свой пост, Богаевский послешил выразить от имени ОСДКТ, без соглашения на то Куб. и Терского Атамана, верноподданические чувства, а на письменный протест их ничего не ответил.

Когда было получено воззвание восставших на Кубани, Кубанский и Терский Атаманы напечатали обращение к казакам о пожертвовании в „фонд спасения Родины“, предварительно послав текст Богаевскому „для сведения“. Это желание Куб. и Тер. Атамана помочь восставшим и страдающим казакам сильно не понравилось ген. Миллеру и он запросил Богаевского — что сие значит? Богаевский, не смущаясь, ответил: „Не знаю“, т. е. скрыл, что текст этого обращения ему присылали — не хватило мужества. Эх, Атаман, Атаман...

— Так, значит, он водит за нос и Миллера и Куб. и Терск. Атамана?

— Думает обвести, но те уже раскусили его...

— Что слышно о повстанцах?

— Ничего нового... Кубанцы обязались вносить ежемесячно по 5 франков в свою казну...

А казаки все подходят и подходят. По сторонам улицы публика стесняется все больше и больше. Тесно, давка. Хорошо, что после невыносимо жарких дней в Париже накануне прошел дождь и стояла хорошая погода.

Наступает 6 с половиной часов. Кто-то отдает распоряжение. Разговоры умолкают, казаки выстраиваются.

— Слушай Петя, сколько среди этой публики таких наших „соотечественников“, которые готовы были бы взорвать нас на воздух?

— На наш век хватит...

— Вот, видишь, сам Миллер изволил явиться. Почувствовал силу казачьего духа и спешит примазаться к казачьей силе — и мы, мол, везем. Говорят, когда Р. О. В. С. возжигал пламя, то их всего навсего собралось 150 человек. Так то они всегда казачьими руками жар загребают...

Медленным шагом, стройными рядами двинулись казаки. По обеим сторонам улицы шпалерами стоящая толпа составила тесный коридор. Все движение остановилось.

То шли казаки поклониться могиле Неизвестного солдата — своего собрата по оружию. Перед этой вереницей легендарных казаков и их флагами почтительно склонялись многие головы.

Фотографы суетливо бегают там и сям, щелкая аппаратами. Под Триумфальной аркой казаки выстраиваются в карре. Посредине, вокруг самой могилы реют знамена и значки. Ген. Малышев и полк. Елисеев возлагают на могилу венки с надписью: „Казаки — Неизвестному Солдату“. Под наступившее глубокое молчание, под бой барабана выполняется церемония возжигания лампы. В эту минуту знамена и значки медленно склоняются к каменной плите могилы Неизвестного Солдата, а затем также медленно поднимаются.

Тем же порядком, стройными рядами казаки проходят под Триумфальной аркой. Дать собрату по оружию отдана, иллюзия кончилась и опять, сняв любимую, родную форму, надо вернуться к серым будням, к тяжелой повседневной работе.

... Как это тяжело... И когда же, наконец, взойдет солнце свободы над Родными Краями?..

(Соб. кор.)

Казачий Париж в августе 1930 г.

3-го августа состоялось чрезвычайное собрание Кубанской станицы в Париже. На собрании были и Донцы. Станичный Атаман полк. Галушко прочитал собравшимся письмо повстанцев и был зачитан приказ Кубанского Атамана. Донцы, выйдя с собрания Кубанской станицы, задавали себе всевозможные вопросы и рассуждали на все лады. Защитникам ген. Богаевского